

Европа: поражение из рук победы? Демоны прошлого и поиск новой идеи

Сергей Караганов, политолог, почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, председатель редакционного совета журнала "Россия в глобальной политике". Декан Факультета мировой политики и экономики НИУ ВШЭ.

Резюме: Двадцать пять лет потрачены почти попусту. Мир стал опаснее, Европа стоит перед угрозой нового раскола и ослабления, а то и большой войны. Без новой объединяющей идеи, украинский кризис и его демоны будут распространяться.

Выиграв в холодной войне (возможно, в первую очередь благодаря мужеству и готовности рисковать россиянами, скинувших коммунистическую диктатуру), Европа, похоже, проигрывает мир после нее. И вступает в следующую фазу международных отношений разъединенной и ослабленной, стоящей на грани конфронтации, а то и большой войны. А прекрасные лозунги об «общем европейском доме» (Горбачёв), о «Европе единой и свободной» (Буш-старший), о наступлении «новой эры демократии мира и единства» (Парижская хартия для новой Европы 1990 г.), казавшиеся достижимыми четверть века назад, вызывают невеселую усмешку.

И это на фоне радикализации ислама и беспрецедентной дестабилизации Ближнего и Среднего Востока, нерешенности традиционных глобальных вызовов, по-прежнему крайне уязвимой международной финансовой системы, подъема новых очагов соперничества между Китаем и США, тенденции к деглобализации, фактического развала прежней системы международного общежития и права... Мощный тренд к ренационализации мировой политики неизбежно охватит и островок стабильности – ЕС, тем более в условиях системного замедления роста и в России, и в Евросоюзе.

Список вызовов можно продолжать. А Западная Европа и Россия, самая мощная держава континента, – в раздразе и почти на грани цивилизационного «развода». Конечно, Западная Европа может попробовать вновь забраться под крыло Соединенных Штатов, а Россия – де-факто заключить стратегический союз с Китаем. И то и другое будет концом надежд на единую Европу, которую хотели построить, завершая холодную войну.

Есть ли еще шанс не проиграть мир? Думаю, да. Но сначала надо разобраться, как мы дошли до жизни такой.

Основных причин четыре. Во-первых, неспособность осознать, что направление социально-экономического и морально-психологического движения России, с одной стороны, и большинства других стран континента – с другой были и есть перпендикулярны, разновекторны. Во многом мы жили в разных эпохах. Во-вторых, неспособность и нежелание выработать общую цель долгосрочного соразвития. Вместо нее, в-третьих, получилась борьба за советское наследство, попытка геополитически дожать Россию, которая кончилась сначала войной в Южной Осетии, а теперь междоусобицей на Украине. Холодная война де-факто оказалась неоконченной и дала рецидив. И, наконец, в-четвертых, отсутствие на протяжении почти четверти века серьезного, систематического диалога. Вместо него звучали либо поучения, либо весьма поверхностные заверения об общем будущем. Речь Владимира Путина в Мюнхене в 2007 г., задуманная как приглашение к серьезному диалогу, была воспринята в штыки. А прислушайся европейцы к тому, что говорил российский президент, многих проблем удалось бы избежать, в том числе нынешней украинской трагедии.

Для России отношения с Европой не только и даже не столько вопрос геополитической ориентации или экономических связей. Это – проблема идентичности. Откажется ли страна, раздраженная политическими разногласиями и отходом значительной части европейских элит, от того, что в России понималось под европейскими ценностями, от тысячелетней культурной ориентации, уходящей корнями в Византию? Вероятность велика. Впервые в истории появилась геополитическая и экономическая альтернатива – поднимающаяся Азия. А нынешние разногласия с Западом становятся мощным аргументом в пользу не только экономической, но и политической переориентации на Восток. Сложна ситуация и для Европы. Без союза с Россией она обречена на утрату своего пятисотлетнего политического, экономического, а затем и культурного лидерства. Что это будет означать для самоощущения многих, если не большинства европейцев, для возможностей сохранения европейской идентичности?

Россия и другая Европа

Вопреки иллюзорным надеждам начала 1990-х гг., Россия и Европа внутри ЕС развивались на разных скоростях и в разных направлениях. Эти процессы носили во многом объективный характер, но почти не осмысливались и не обсуждались, что является ошибкой всех европейских элит. Они не хотели и не

смогли увидеть правду. И поэтому нынешний кризис грянул для них как гром среди ясного неба. И одни судорожно пытаются сатанизировать Путина, другие – обвинить «предательницу Меркель». Надежды на то, что Россия пойдет по «европейскому» пути, не сбылись. Но и Европа становится не той, к которой стремились вернуться россияне, совершившие свою революцию. Русская нетерпеливость, почти полное отсутствие реального, а не книжного опыта построения капитализма и демократии, да и неблагоприятное стечение обстоятельств сыграли злую шутку на заре новейшей русской истории.

Чтобы сломать хребет коммунизму и побыстрее покончить с его опостылевшей серятиной, была предпринята попытка ударной приватизации, которую подавляющее большинство россиян восприняли как акт расхищения. Возник один из самых неприглядных вариантов олигархического квазикапитализма. Крупная частная собственность до сих пор воспринимается в России как нравственно нелегитимная.

Еще хуже то, что из-за необразованности и стремления сделать все побыстрее российские реформаторы не поняли (или предпочли проигнорировать) главное: собственность без права – фикция. Те, кто пришел им на смену, объявили «диктатуру закона», но права не ввели. Сначала оно мешало приватизации, затем перераспределению. В результате собственность, несостоятельная морально, оказалась еще и не защищена законом. Это глубинная причина замедления развития, бегства капитала. В Россию рискованно вкладывать средства и даже держать здесь активы. Отсюда – непатриотизм элит, с которым только сейчас начинают бороться, отказываясь признать его глубинные причины. Здесь и корень системной коррупции – собственность можно сохранить, только «поживив» ее с властью.

Таков итог нашего переходного периода. Но часть Запада рукоплескала ему, умиляясь внешними признаками «европеизации» России или надеясь поучаствовать в разделе собственности и власти. Между тем Россия шла совсем не европейским путем, который в первую очередь подразумевает строительство общества и экономики на основе права.

Стратегическая ошибка допущена и при проведении политических реформ. Либеральные коммунисты и антикоммунисты считали, что народу не хватает демократии. Ее создали сверху, выбрав парламенты, губернаторов, мэров. Но не озаботились главным – выращиванием ответственного гражданина, основы человеческого капитала любой нации. Питательная среда для его появления – низовое, муниципальное, земское самоуправление, которое взялись строить только недавно, да и то нерешительно.

В результате появилась «преждевременная» верхушечная демократия, которая только тормозила развитие. К 1999 г. страна фактически превратилась в *failed state*, и случись в Москве маленький майдан, она посыпалась бы окончательно. Не устану повторять: из всех объяснений чуда спасения России единственно правдоподобным мне кажется, что Всевышний простил России грех коммунизма.

Внешние обстоятельства также были не слишком благоприятны. Бывшие противники не добивали. Но и не помогали (кроме гуманитарных посылок 1990–1992 гг. и 11 млрд марок, выданных ФРГ на вывод войск из Германии). А когда «помогали», давали вполне коммерческие кредиты, обуславливая их реформами, которые большинство населения встречало в штыки. Российская элита приняла предлагавшиеся правила «вашингтонского консенсуса» и провалилась. Как теперь известно – успех развивающихся государств, как правило, основан в том числе на отказе играть по этим правилам.

К России, главными национальными идеями которой всю ее историю были оборона и защита суверенитета, относились свысока, порой даже пытались диктовать состав кабинета министров (это делали не европейцы) и открыто поддерживая казавшиеся выгодными фигуры. Западный курс в отношении Москвы объективно был мягким подобием версальской политики, хотя такую цель никогда четко не формулировали, а большинство в Европе, вероятно, и не осознавало, что это именно так. Без прямых издевательств, аннексий и контрибуций, но проводилась линия «победителей», которые систематически теснили «побежденного», посягая на сферы его экономических, политических и военных интересов. Между тем русские себя побежденными не считали, а курс, символом которого стало расширение НАТО, порождал веймарский синдром. Первая его волна была погашена только тяжелой победой во второй чеченской войне, сделавшей Путина национальным лидером.

Европа в составе Европейского союза

Повторю, в чем суть концептуального расхождения. Россия восстанавливала суверенитет и государственность, Евросоюз пытался преодолеть суверенитет, государственный национализм, построить наднациональную общность. Эта разновекторность проявилась в почти единомудном осуждении европейскими странами чеченской войны.

Ценностные системы развивались едва ли не противоположным образом. Большинство россиян стремились восстановить уничтожавшуюся при коммунизме традиционную мораль, тянулись к ранее запретному христианству. В обществе сформировался запрос на государственный патриотизм, не основанный на коммунистическом мессианстве, на новую национальную идентичность, на консерватизм как антитезу революционным идеям, которые принесли столько бед и потрясений нации в XX веке. При этом считалось, что так Россия возвращается не только к себе, но и к Европе, от которой ушла в 1917 году.

Между тем европейская элита, пресытаясь этими ценностями, все больше считала их устаревшими или даже реакционными. Старый Свет поставил цель преодолеть национализм и даже национальный патриотизм, отвергал многие традиционные моральные устои и все больше отходил от христианства. Неизвестно, насколько долгосрочен этот тренд последних тридцати лет, возможно, в конце концов он будет частично отвергнут. Но пока российские и западноевропейские общества находятся в противофазе. А стремление Кремля сделать своим знаменем традиционные ценности вызывает у передовых и правящих европейских элит откровенное неприятие и опасения. Ведь они знают, что этим ценностям привержено большинство и их населения.

Обжегшись на верхушечной демократии, которая чуть не привела страну к гибели, а у большинства населения вызывает стойкую ассоциацию с развалом, нищетой и унижениями 1990-х гг., российская элита совершила малоприятный, но неизбежный поворот к демократии «управляемой» – полуавторитарному, лидерскому режиму.

Практически в то же время европейские элиты сделали ставку на продвижение европейской модели и опыта демократии как основы своей «мягкой силы». Где-то с начала 2000-х гг. в брюссельской политике стал нарастать демократический мессианизм, ранее свойственный лишь заокеанским родственникам Европы.

Российские и европейские элиты снова оказались в состоянии дисгармонии. Тому есть и еще одно объяснение. Большинство обществ и правящих кругов западных стран давно забыли свои революции. Российская же верхушка панически боится повторения фатальных потрясений – демократического февраля 1917 г., за которым последовал ужас, и даже демократической революции 1991 г., которая пока ужасом не закончилась, но чуть не привела к развалу государственности. (Разумеется, в российской элите есть и меньшинство, бывшее в 1990-е гг. большинством, которое консервативных установок не разделяет и даже хочет новой революции. Но общество, пока во всяком случае, таких желаний явно не обнаруживает.)

Европейские политики твердили, что объединение Старого Света возможно только на основе общих ценностей. Сначала это говорилось, чтобы отвязаться от рвавшихся в Европу русских, но постепенно ораторы сами поверили в собственную мантру. С учетом описанной выше идейной противофазы это означало, что объединение с участием России просто невозможно. Между тем такой подход в корне противоречил европейской политической традиции, когда страны, их лидеры и общества сплошь и рядом объединялись «по интересам». Иначе во Второй мировой войне победила бы фашистская Германия. А сейчас, если следовать этой логике, ВЕРХ должны взять антиевропейские силы, например исламский радикализм или неевропейские конкуренты.

Свою роль в провале идеи «большой Европы» сыграли и несовпадающие системы приоритетов. Сначала Евросоюзу было просто не до России, на волне эйфории после холодной войны он увлекся безудержным расширением, созданием евро. К 2000-м гг. выяснилось, что чрезмерное расширение без политического союза расшатывает объединение. Расширение без границ ухудшило управляемость. К середине первого десятилетия XXI века стало очевидно, что ЕС вступил в длительный системный кризис. А между тем началась серия обидных, а то и унижительных поражений Запада – и Евросоюза, и особенно флага в лице США.

Кризис, с одной стороны, отвлекает Европу от любых сложных внешних проектов, в т.ч. российского, с другой – подспудно толкает к поиску внешнего импульса для объединения, а то и внешнего врага. Когда-то им был СССР, противник осторожный, поэтому на деле не очень опасный, а значит удобный. К тому же к Европейскому союзу присоединились страны с почти генетическим стремлением отомстить за поражения и унижения прошлых веков. И с 2011–2012 гг. из России стали ваять врага.

В России шел встречный процесс, который уверенно вел в никуда. Элиты не хотели или не могли признать прежние ошибки и начать новый тур реформ. Отсюда – оправдание тупикового положения либо желание выйти из него через традиционный поиск внешнего врага и нагнетание конфронтации, чтобы как минимум заткнуть недовольных и объединить общество, как максимум – заставить себя проводить мобилизационную модернизацию. Иное у русских получилось только один раз – во второй половине XIX века.

В результате набирает обороты новое противостояние, и Европа, вместо того чтобы стать третьей несущей опорой будущего миропорядка (наряду с Соединенными Штатами и Китаем), может оказаться даже проблемой для него.

И странам ЕС с его дисбалансами, и России с ее отчасти ошибочной, отчасти незавершенной трансформацией придется идти на глубокие реформы, чтобы выжить и сохранить значение в новом мире. Если работать совместно, в режиме взаимного дополнения, необходимые перемены могут оказаться более легкими и эффективными. В случае отчуждения – выше шанс так и не начать их или не добиться успеха. Это – еще один аргумент в пользу нового издания «большого европейского проекта». Пока он не сработал. При этом под угрозой и проект ЕС, и российский проект.

Отношения Москвы и Брюсселя

Энтузиазм первых лет после русской революции (российский премьер даже говорил о желательности вступления в Евросоюз, в 1994 г. было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве) сменился постепенно усугубляющейся отчужденностью, а потом и подспудным взаимным

раздражением. В Евросоюзе с 1990-х гг. доминировало представление о том, что Россия должна оставаться младшим учеником. Россия же стремилась восстановить суверенитет и установить равноправные отношения. В этом был смысл смелых предложений, выдвинутых в 1999–2000 гг. премьер-министром, затем президентом Владимиром Путиным.

Они, как и многие подобные, были проигнорированы. Россияне предлагали ту или иную форму союза, а брюссельские бюрократы видели Россию только как одну из стран европейской периферии. В результате так и не подписан новый договор, который должен был прийти на смену СПС. Саммиты два раза в год, призванные служить знаком особого статуса России, теряли содержание. Повестку заполняли третьестепенные вопросы типа оплаты транссибирских перелетов, запретов поставок из Польши реэкспортированного мяса или ограничений на продажу Финляндии леса-кругляка. Свидетельством провала стала неспособность наладить массовые обмены в области образования, интеграцию научных комплексов. Результат известен: квалифицированные кадры покидают и Евросоюз, и Россию.

Реалистическое понимание и поиск общих интересов замещался ритуалами бессодержательных встреч или лозунгами. (Один из худших ритуалов – пустопорожний, в духе ГДР – СССР, Петербургский диалог, от которого Берлин отказался в итоге не из-за его бессмысленности, а чтобы уколоть Россию.) Последний лозунг – «партнерство во имя модернизации». Российская верхушка болтала о нем, пальцем не шевеля, а европейские партнеры прикрывали им либо старое желание направить Россию по пути ученичества, либо отсутствие внятной линии, либо стремление поддержать «приятного» лидера (Дмитрия Медведева). Результат – пустота и еще один источник взаимного раздражения.

Последнюю попытку сблизиться на равноправной основе Россия предприняла, предложив ЕС не только наладить диалог с Таможенным/Евразийским экономическим союзом, но и построить его на нормативной базе Европейского союза, чтобы в том числе облегчить дальнейшую интеграцию. Брюссель отказался, пытаясь продолжить одностороннее расширение своей зоны влияния. И согласился только после украинской трагедии.

Среди всех причин неудачи российско-европейских отношений важнейшими были нежелание и неспособность поставить перед ними стратегическую цель. Без нее они увяли в бюрократической борьбе и мелочной, хотя порой и очень острой конкуренции. Евросоюз стремился распространить свой мягкий контроль на территории, которые Россия считала зоной своих интересов. Постепенно разыгралась игра с нулевой суммой, которая привела к украинскому кризису, хотя и не была его главной причиной.

Но основная конфликтообразующая проблема взаимоотношений Россия–Евросоюз лежала вне их. Экспансия ЕС сопровождалась наступлением НАТО. А вот эта организация однозначно виделась потенциально враждебной, если не угрожающей, особенно после потрясших даже российских западников трехмесячных бомбардировок Югославии в 1999 году.

Расширение НАТО воспринималось как вероломство, прямое нарушение гласных и негласных договоренностей, достигнутых, когда СССР пошел на прекращение конфронтации, вывел войска из стран Варшавского договора, согласился на объединение Германии и даже содействовал этому. Две волны расширения НАТО Россия проглотила (может быть, это было ошибкой). Но распространение на Украину, которое создавало бы абсолютно неприемлемую ситуацию 2000-километровой незащищенной границы с блоком, показавшим способность к агрессии, было неприемлемо, воспринималось почти как причина для большой войны. А Киев пытались втянуть в НАТО в 2007–2008 годах. Стремление видеть Украину в альянсе зафиксировано в его Бухарестской декларации 2008 г., а в последние годы все чаще подтверждалось.

На этом фоне поддержка Западом майдана, свержение Януковича послужили спусковым крючком для упреждающего удара России. Похоже, что для Москвы присоединение Крыма, поддержка повстанцев в Донбассе – действия, нацеленные на предотвращение гораздо более масштабной катастрофы. Удар наносился по логике расширения НАТО, но пришелся и по пустым, конкурентным, но вполне мирным отношениям с Европейским союзом.

Берлин – Москва

Крупным провалом европейской политики является растущая отстраненность, если не скрытая враждебность между Москвой и Берлином. Под вопросом одна из главных несущих опор мирного порядка в Европе – особые дружеские отношения двух стран и народов, построенные Брандтом–Шмидтом–Колем–Шрёдером и их советскими и российскими партнерами. Вторая несущая – Евросоюз, слабеющая ось которого – Берлин – Париж – пока держится, но дает все более заметные трещины. И неизвестно, как и насколько они углубятся, если подрубить российско-германскую опору.

Германия, не отказываясь полностью от национального эгоизма, иногда участвуя в сомнительных акциях – бомбардировки Югославии, Афганистан – построила новую идентичность на защите и продвижении своих интересов преимущественно «мягкой», экономической силой. И преуспела в этой политике, став ведущей силой в ЕС. Помогает и созданная на руинах Третьего рейха, пожалуй, наиболее эффективная в мире политическая система, обеспечивающая развитие и лояльность большинства граждан своему государству.

Россия, вынужденная восстанавливать государственность и идентичность, шла по пути, чуть ли не противоположному современному германскому – старому германскому, в духе Бисмарка. Серьезных попыток разобраться в этом различии исторических опытов и траекторий развития не предпринималось.

Столкновение с Германией вокруг Украины воспринято в российской элите и обществе либо (в наипростейшем варианте) как то, что Агентство национальной безопасности США «подцепило канцлера на крючок», либо – в более утонченном – что Берлин строит Старый Свет под себя и спасает таким образом «германскую Европу», либо, что все более очевидно в желтых СМИ и особенно в блогосфере, что немцы решили создать «четвертый рейх» и считают Украину его частью.

В Берлине полагают, что российская политика в отношении Крыма и Украины продиктована почти исключительно соображениями удержания власти нынешним режимом. А Германия должна вернуть *status quo ante*, чтобы сохранить европейский мирный порядок, гарантом которого себя считает. В России, стране с более широким, нежели европейский, кругозором полагают, что безрассудство и беззаконие в Югославии, Ираке, Ливии, поддержка Западом самоубийственной «арабской весны» разрушили международный порядок и законность и его либо нужно восстанавливать, либо играть по правилам «закона джунглей». Справедливы или нет существующие представления, роли сейчас не играет. В отсутствии серьезного диалога и попыток разобраться это – доминирующая реальность.

Была ли коллизия неизбежной? В чем-то да, страны и общества не сближались, как в те годы, когда СССР шел к преодолению прошлого режима, а расходились. Но во многом она – продукт провала элит, не захотевших и не сумевших понять друг друга и наметить общие и реалистические цели соразвития.

На кону не только вторая несущая колонна европейского мирного порядка, но и историческое сближение двух народов. Ведь русские простили немцев за чудовищные преступления Второй мировой. Если прошлое вернется, оно вернется и в остальную Европу, где уже нарастает вал антигерманских настроений, континент морально окажется отброшенным на полвека назад. Перед Владимиром Путиным и Ангелой Меркель, несмотря на отсутствие взаимных симпатий, перед русскими и немцами стоит поистине исторический вызов – не допустить возвращения истории.

Перспективы выхода

Разумеется, можно попробовать вернуться в чистом виде к холодной войне – укрепить НАТО, выдвинуть ее передовые силы к российским границам, развернуть новые российские ракеты, восстановить элементы системной конфронтации. Попытаться вооружить Украину или ограничить не только экономическое, но и человеческое взаимодействие между Россией и Западом, еще усугубить, если это возможно, накал взаимной клеветы, лжи.

Отличие от прошлой холодной войны в том, что нынешняя российская элита помнит, как повел себя Запад, после того как Михаил Горбачёв и его соратники решили с достоинством выйти из нее. Иллюзий у нее не осталось. К тому же позиции России, несмотря на разразившийся кризис, прочнее, чем позднего СССР. Накормить население проблем не составит. А противостоит Москве не единый поднимающийся Запад фактически в союзе с Китаем, как тогда, а Запад, оказавшийся в кардинально другой исторической парадигме. Китай же и весь резко усилившийся «не-Запад» скорее симпатизирует Москве. И ожидать, пока все еще более сильный Запад попытается дожать Россию, Кремль вряд ли будет. Так что, если не удастся остановиться и договориться, впереди еще более жесткий кризис.

Украину задуют, а в случае предоставления ей военной помощи, скорее всего, разгромят. А дальше будут смотреть: не вразумятся ли западные лидеры и народы, увидевшие, что нынешние и прошлые руководители привели Европу и мир к войне. Если политика не изменится, возможна дальнейшая эскалация. Она, впрочем, может произойти и из-за очередного «черного лебедя» – непредвиденной катастрофы или провокации.

Но какой будет Европа после столкновения, даже если Россия не выйдет из него «победителем», не хочется даже думать. Все усилия европейцев по построению мирного континента после Второй мировой войны пойдут прахом. Как уже готовы пойти прахом надежды начала 1990-х годов. На таком фоне благонамеренные попытки разрешить украинский кризис, не устранив фундаментальных причин его возникновения, обречены.

Выход, разумеется, есть.

Во-первых, он в совместном открытом и честном анализе интеллектуальных и политических ошибок, сделанных за последние четверть века, и извлечении уроков.

Во-вторых, в признании легитимности различия ценностных установок при общности базовой культуры. Российское и другие европейские общества должны иметь возможность развиваться по своим траекториям и скоростям. Вероятно, что европейцы за пределами России станут под влиянием международной конкуренции более реалистичными и даже консервативными. А российское общество в нормальных условиях двинется к правовому государству, а затем к развитой и полноценной, хотя и своей, демократии.

В-третьих, необходимо понимание, что курс на конфронтацию даже в «лучшем» варианте, без прямого столкновения, обойдется очень дорого. Он будет отвлекать ЕС от необходимой для его

выживания внутренней модернизации. А сплотить европейское общество объявлением России общим врагом не получится – оно слишком не хочет конфронтации.

Для России возрастет угроза нежелательно высокой зависимости от Китая, пусть и полусоюзного. Многие в России верят, что конфронтация даст толчок внутреннему развитию. Но пока признаков этого немного. Наоборот, она отвлекает и от внутренних реформ, и от давно назревшего экономического поворота к Азии через развитие Зауралья.

И, **в-четвертых**, понимание того, что открытие экономического, человеческого, энергетического пространств между ЕС и ЕАЭС, от Лиссабона или Дублина до Владивостока, хоть и не решит всех проблем сторон, но даст импульс к развитию.

В принципе, это и предполагалось российскими предложениями по институционализации ОБСЕ, по вступлению России в НАТО, по подписанию нового договора о европейской безопасности, по созданию Союза Европы, по сближению ЕС и ЕАЭС на основе диалога и выравнивания правовых и регулятивных норм, поступательного открытия рынков. Такие идеи не противоречат особым отношениям Евросоюза и Соединенных Штатов, а России с Китаем, если не пытаться их намеренно противопоставлять, как крайне недальновидно делали до сих пор.

Представляю, что нужно предлагать, но предлагать стоит совместно. Но уже сейчас нужно напомнить, чего делать не стоит.

Нельзя возвращать в центр отношений ограничение вооружений. Оно возродит блоковое мышление и ремилитизирует европейскую политику, как это уже было в конце 1980-х годов.

Не надо обходить существующую общеевропейскую организацию – ОБСЕ. Но нельзя поручать ей, несущей печать холодной войны и собственную институциональную память, саму себя реформировать. Эта реформа должна идти в рамках ОБСЕ, но исходить извне. ОБСЕ – важный практический инструмент, незаменимый для того, чтобы распутывать узлы локальных конфликтов, использовать отработанные механизмы для снижения напряженности и стабилизации ситуации в очагах противостояния, если таковые возникают. Это достаточно важная миссия, чтобы сосредоточиться на ней, а не пытаться «нагрузить» ОБСЕ еще более масштабными функциями европейского управления.

Не стоит повторять хельсинкский процесс. Он может на долгие годы привести к блоковой дипломатии с неочевидным результатом. Лучше поручить подготовку нового договора группе экспертов. Тексты можно потом утверждать на высшем уровне.

Стоит подумать и вот о чем. Европа – не центр мира и не изолированная территория, где решается его судьба. Ее проблемы сегодня – часть сложной глобальной системы, где все влияют на всех. И пытаться рассматривать Европу отдельно от Евразии, от Ближнего Востока невозможно, слишком переплетены процессы. Возможно, как когда-то частью общеевропейского процесса стали США и Канада, сейчас стоит подумать над тем, чтобы вовлечь в обсуждение Китай и другие ключевые страны Центральной и Восточной Евразии.

В новой архитектуре должно найтись место и странам, расположенным в зоне между Россией и ЕС/НАТО, и признанию части непризнанных государств, и координируемым усилиям по решению замороженных конфликтов и, что немаловажно, – совместным и согласованным усилиям по удержанию Украины от социального и государственного распада, по превращению ее в территорию сотрудничества, а не борьбы.

Разумеется, в условиях нынешнего зашкаливающего недоверия такая перспектива кажется иллюзорной. К тому же политика США пока, похоже, нацелена на углубление раскола Европы. Но именно отсутствие перспективы по-настоящему совместной работы на протяжении последних двадцати лет было одним из ключевых факторов, приведших к нынешнему провалу.

Когда архитекторы европейской интеграции и поддержавшие их дальновидные американцы выдвинули в конце 1940-х – начале 1950-х гг. идеи, приведшие к созданию Европейского объединения угля и стали, затем ЕЭС и ЕС, страны и народы Европы почти сплошь ненавидели друг друга и все – Германию. Но отцы-основатели имели мужество выдвинуть прорывные идеи. И они привели к созданию мирного порядка на значительной части территории Европы.

Двадцать пять последних лет были потрачены почти что попусту. Мир стал опаснее, Европа стоит перед угрозой нового раскола и ослабления, а то и большой войны. И она лишена возможности единого влияния на этот мир. Без новой большой идеи, объединяющей европейские народы на пути к пусть далекой, но осязаемой, а главное – общей цели, Европа неизбежно начнет колотиться по линиям старых и новых разделов. Украинский кризис и его демоны будут распространяться.

Если лидеры России, остальной Европы, Соединенных Штатов, тех, кто захочет к ним присоединиться, поставят перед собой такую цель, будет неизмеримо легче работать и в минском, и в нормандском, и в любом другом формате, чтобы ограничить и прекратить конфликт на Украине, а потом помочь ей строить будущее. Без общей цели, боюсь, мы обрекаем на худшее и народ Украины, оказавшейся на границе нового разлома, и всю Европу.

Трудности велики, многие возможности упущены. Но пробовать надо. Иначе и русские, и другие европейцы откажутся от еще одной общей ценности – веры в разум.